
МАНОХА И.П.,
доктор психологических наук,
профессор,
директор Восточно-Европейского
Института Психологии,
Киев, Украина

Ж.-Ж. РУССО И Г. СКОВОРОДА: КОНТРАВЕРСИИ СЛАВЯНСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО БАРОККО (ОТ ЛЕСНОГО ДИКАРЯ К – ПРОСВЕЩЕННОМУ НАРЦИССУ?)

В статье осуществлен анализ отдельных контраверсий славянского и европейского Барокко в контексте творчества ярких представителей каждого – Жан-Жака Руссо и Григория Сковороды. В центре внимания – гуманистические феномены и элементы философских построений и рассуждений двух мыслителей в векторах «природное – социальное», «общественное – индивидуальное», а также дихотомий «трагическое – комическое», «личностное – историческое» и др. Рассматриваются разнообразные по сути и форме способы постижения «человечности» как центрального системообразующего феномена любой философской системы, не зависимо от конечной ее направленности – социальной, аксиологической, ориентированной гносеологически или – онтологической по сути.

Ключевые слова: Барокко, европейская и славянская традиции, контраверсийность философских взглядов, творчество Жан-Жака Руссо, творчество Григория Сковороды, исследование и постижение человечности.

У статті здійснено аналіз окремих контраверсій слов'янського і європейського Бароко в контексті творчості яскравих представників кожного – Жан-Жака Руссо і Григорія Сковороди. У центрі уваги – гуманістичні феномени і елементи філософських побудов і міркувань двох мислителів в векторах «природне - соціальне», «суспільне - індивідуальне», а також дихотомій «трагічне - комічне», «особистісне - історичне» і ін. Розглядаються різноманітні по суті й формі способи осягнення «людяності» як центрального системоутворюючого

© МАНОХА И.П., 2016

феномена будь-якої філософської системи, не залежно від кінцевої її спрямованості – соціальної, аксіологічного, орієнтованої ґносеологічно або – онтологічної по суті.

Ключові слова: Бароко, європейська і слов'янська традиції, контраверсійність філософських поглядів, творчість Жан-Жака Руссо, творчість Григорія Сковороди, дослідження й осягнення людяності.

The article analyzes the controversy Slavic and European Baroque art in the context of the brightest representatives of each – Jean-Jacques Rousseau and Gregory Skovoroda. In the spotlight – humanistic phenomena and elements of philosophical constructs and arguments of the two thinkers in the vectors “natural - social”, “public - individual” and the dichotomy of the “tragic - comic”, “personality - history” and others. We consider the variety in nature and form ways of understanding “humanity” as the central phenomenon of any philosophical system, regardless of its final orientation - social, axiological targeting or epistemologically – ontological in nature.

Key words: Baroque, European and Slavic traditions, controversy, philosophical views, creativity, Jean-Jacques Rousseau and Gregory Skovoroda creativity, research and comprehension of humanity.

введение.

В «Барокко» – странное «не-что», «причудливая ракушка», создание природы, не доступное полному пониманию, удивляющая и манящая «диковина», прячущая свою суть и даже звучащая звуками – то ли чьих-то земных приглушенных голосов, то ли диковинных созданий миров иных, «понятное и непонятное одновременно»... Эпоха Барокко – одна из наиболее революционных в человеческой истории, но столь же и противоречивая и разнородная. Если говорить о разных странах и культурах даже в рамках одного континента, то эта разнородность и отличительность – не просто заметна, она – разительна до противоположности. Но в этом – и проступает своеобразие каждой культуры, каждой идеи, каждого предпочтения, поиска, выбора и – пути...

Особенность славянского Барокко состоит прежде всего в том, что по сути своей оно близко Возрождению, с его всплеском гуманистичности и человеколюбия – не любования, как в Античности, но – именно любви к нему (человеку), или – любви в нем того, что и есть сутью человечности. Гуманистический «возрожденческий» идеал человечности – человек ищущий, мятущийся, но творческий, интегрирующий в себе «ремесленника» и «патриция», не боящийся «измазаться в краске» и «мыть кисти за гением» утром, но готовый вызывать изумление полетом мысли и высказываний о природе подлинного творчества со спокойствием подлинного мудреца – вечером. Удивительная смесь декоративности и маньеризма – еще одна черта славянского Барокко, удивляющая и настораживающая представителя другой культуры и традиции, но

навсегда выделяющая его среди других барокковых ликов.

Европейское Барокко – классическое Барокко, предтеча «научной революции» и всего, что связано с появлением науки, как способа познания и объяснения мира. Оно актуализирует проблему человека, поверженного в «пучину бедности, войн, разрушений, и из-за этого скорбящего и не видящего опоры в реальном мире, страстно устремляющегося к Богу»¹, но, как ни странно, – забывшего путь к нему и растерявшего указатели «времени и места» происходящего. Как Парсифаль у Замка Грааля – стоящий у подножия и навесного моста, смотрящий прямо на него и – не видящий ничего рядом. Принято думать, что этот европейский барокканский порыв – «имеет не только личностный, но и внешне торжественный характер. Отсюда – необыкновенная пышность и эффектность этого стиля. Человек не утратил прежние гуманистические ценности, но заблудился в мировых противоречиях, в лабиринте которых разум оказался плохим проводником. В Барокко соединены духовное и телесное, порыв к Богу с красивой мишурой украшений, страдание с праздничным весельем. Стиль сложный, иногда нарочито уложенный, но яркий и неповторимый. При дворах знати сложился свой, придворный вариант Барокко, которому присущи светскость, символичность, выпренность и велеречивость»².

Так схожи они или различны – европейское и славянское Барокко? Если схожи, то в чем? Если отличны, то чем?

1 Мельников Г.П. Культура зарубежных славянских народов. - М.: Интерпракс, 1994. / Melnikov G.P. Kultura zarubezhnyih slavyanskikh narodov. - M.: Interpraks, 1994.

2 Мельников Г.П. Культура зарубежных славянских народов. - М.: Интерпракс, 1994. / Melnikov G.P. Kultura zarubezhnyih slavyanskikh narodov. - M.: Interpraks, 1994.

Каковы их контраверсии? Каковы их причины? Что обусловило эти отличия? И, возможно, – продолжает обуславливать?..

Жан-Жак Руссо: поэма о Лесном Дикаре

У Руссо нет трактата с таким названием, но есть трактат «О происхождении и основаниях неравенства между людьми». Исходный его тезис таков: «Я вижу в человеческом роде два вида неравенства: одно, которое я называю *естественным* или *физическим*, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством *условным* или *политическим*, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей. Это последнее заключается в различных привилегиях, которыми некоторые пользуются за счет других: как то, что они более богаты, более почитаемы, более могущественны, чем другие, или даже заставляют их себе повиноваться»³.

Всегда ли положение вещей было таковым? Если да – стоит ли удивляться этому? Если нет, что привело к возникновению такого положения дел?

В далеком историческом прошлом, вопреки фактам или «научно обоснованным предположениям», «человек жил в полном одиночестве, *лесным дикарем*, не умевшим мыслить, не владевшим языком, поскольку это средство общения было для него абсолютно ненужным, лишним,

3 Руссо Ж.-Ж. О происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо. Ж.-Ж. Избранное. - М., 1976. - С. 67-68. / Russo Zh.-Zh. O proishozhdenii i osnovaniyah neravenstva mezhdru lyudmi // Russo. Zh.-Zh. Izbrannoe. - M., 1976. - S. 67-68.

лишенным смысла»⁴. Однако, *дикарь*, наделенный состраданием, был готов к самопожертвованию, *чистому* состраданию и готов был отказаться даже от пищи в пользу другого. В ситуации опасности – также был готов защитить другого, даже ценой собственного благополучия и целостности, ибо слепо отдавался «порыву человеколюбия». Поэтому, по-видимому, трактат «О происхождении и основаниях неравенства между людьми» часто трактуют как повествование о социальном восхождении (или – нисхождении?) человека: от свободы дикаря – к свободе гражданина. Так ли это?

Кто же он – *Лесной Дикарь*? «Природный» человек, живущий среди Природы, питающийся (в прямом и переносном смысле) – ею, исполненный и наполненный – ею, одинокий, сильный и даже – могучий – в своем одиночестве. Ведь нет возможности уповать на других, делегировать другим какие-то слишком простые и утилитарные функции. Нет возможности отказаться от ежесекундной необходимости «быть наедине с миром» – часто пугающим, таящим слишком много угроз, гром- и молние-опасным. Он обязан быть «сильным» и «готовым побеждать» – в любой момент своего существования. А еще – он сострадателен и жалостлив – а не груб и свиреп, что кажется более естественным в сочетании с квалификационным понятием «дикарь».

По Руссо, «наиболее естественная добродетель человека – жалость, «естественное самочувствие к существам, которые столь же слабы, как мы, и которым грозит столько же бед,

как и нам: добродетель эта тем более всеобъемлюща и тем более полезна для человека, что она предшествует у него всякому размышлению и столь естественна, что даже животные иногда обнаруживают явные ее признаки»⁵. *Лесной Дикарь* – таков, его сострадание и жалостливость сильнее, первичнее. Его «инстинкт человечности», вызывающий желание «защитить», – доминантнее, нежели инстинкт самосохранения, требующий воинственного импульса «отпугнуть» или «напасть». Он наивен и первоизданен в стремлении «доминировать» над подобными себе? Настолько, что естественно и просто отдает свою свободу тому, кто столь же «просто» захотел ее отнять?

«Первый, кто огородив участок земли, придумал заявить: «Это – мое!» – и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был подлинным основателем гражданского общества»⁶. Многие удивились бы такому определению Руссо сущности и механизма формирования «гражданского общества», нашли бы в нем больше «несоответствий нынешнему видению», нежели черт, соответствующих сути этого современного идеала общественных отношений. Тем не менее, природа его – и индивидуально-, и социально-психологична, а не общественна, и даже – не политична⁷. Она – в природе и сути са-

4 Верцман И. Жан-Жак Руссо / Руссо Ж.-Ж. Избранное. – М.: Изд-во «Детская литература», 1976. – С. 5-60. / Vertsman I. Zhan-Zhak Russo / Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М.: Izd-vo «Detskaya literatura», 1976. – S. 5-60.

5 Руссо Ж.-Ж. О происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Избранное. – М., 1976. – С. 68-69. / Russo Zh.-Zh. O proishozhdenii i osnovaniyah neravenstva mezhdru lyudmi // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – S. 68-69.

6 Там же. С. 69. / Ibid. S. 69.

7 К слову: не так давно, на одном из тренингов, в одном из ситуационных упражнений, где нужно было договориться о предпочтениях для обеих сторон, участница на представлении результатов уверенно заявила о наилучшем, по ее мнению, исходе упражнения, поскольку все предпочтения достались

мого человека, его человечности, вернее – обратной ее стороны.

Трактат Руссо и написан, возможно, для того, «... чтобы указать в поступательном развитии вещей тот момент, когда право пришло на смену насилию и Природа, следовательно, была подчинена Закону; объяснить, в силу какого сцепления чудес сильный мог решиться служить слабому, а народ – купить воображаемое спокойствие ценою действительного счастья»⁸. Таким образом социальным образом был нарушен главный онтологический закон соотношения и равновесия: «сильный – сильнее, слабый – слабее». Возник «системный дисбаланс», поскольку в какой-то момент «сильный стал «слабее» слабого», а «слабый – стал «сильнее» сильного». И, не смотря на абсурдность, все с этим согласились – и «сильные», и «слабые».

В этом момент обнажается одно из ключевых противоречий человеческой природы: противоречие *индивидуального* и *социального* в едином человеческом существе. «Я индивидуальное» и «Я социальное», первозданная сущность и личность (как приобретаемое в процессе социализации социальное качество) – не тождественны, часто

со-существующие в дисбалансе, рождающие множество противоречий. И историогенез (как и собственно – онтогенез) этих противоречий – глубинен.

Не случаен, таким образом, и следующий вопрос: «...обязательно ли те, кто повелевают, *лучше*, чем те, кто повинуются, и всегда ли пропорциональны у одних и тех же индивидуумов телесная и духовная сила, мудрость и добродетель их могуществу или богатству: вопрос этот пристало бы ставить разве что перед теми, кто признает себя рабами своих господ: он не возникает перед людьми разумными и свободными, которые ищут истину»⁹. Но и для «разумных», а также «ищущих истину» людей вполне естествен вопрос – «*почему так?*» и, как следствие, – «*борьба мотивов*» и необходимость «*делать выбор*» между несколькими мотивами, интенциями, мнениями, побуждениями, принципами, ожиданиями и пр.

Возможно ли «вернуть» человека к его первозданной – и индивидуальной, и социальной природности? Возможно ли «заставить» его «вспомнить», что по природе своей он – свободен, и нет причин и инструментов лишить его возможности «быть свободным»? Ведь «отказаться от своей свободы – это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей. Невозможно никакое возмещение для того, кто от всего отказывается»¹⁰. Как быть с этим и –

ей одной, ввиду того, что второй участник согласился отдать ей свои... Она сумела его убедить отказаться от своих интересов (организационных и монетарных), чем была весьма и весьма довольна. Она признала, что сманипулировала простодушным и доверчивостью второй стороны, но озвучив, что «таковы правила выживания в современном мире», поблагодарила за удовольствие от получения стопроцентного результата. Улыбающаяся «вторая сторона» сказал – «да пожалуйста», ведущий – «громко промолчал», а участница-«победитель» вдруг искренне (?) «удивилась»: и зачем это я так?...

8 Руссо Ж.-Ж. О происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Избранное. – М., 1976. – С. 68. / Russo Zh.-Zh. O proishozhdenii i osnovaniyah neravenstva mezhdu lyudmi // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – С. 68.

9 Руссо Ж.-Ж. О происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Избранное. – М., 1976. – С. 68. / Russo Zh.-Zh. O proishozhdenii i osnovaniyah neravenstva mezhdu lyudmi // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – С. 68.

10 Руссо Ж.-Ж. Об общественно договоре. Политический трактат // Руссо Ж.-Ж. Избранное. – М., 1976. – С. 81. / Russo Zh.-Zh. Ob obschestvenno dogovore. Politicheskii traktat // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – С. 81.

что возможно сделать?

Руссо искренен в признании, что не все мы можем, но можно и нужно пробовать искать ответы и инструменты изменить существующий порядок вещей: «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей мере, чем они. Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что же может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить»¹¹.

Удастся ли это Руссо? Так или иначе, но он утверждает, рассуждая о социальных и общественных, политических и идеологических способах решения данного вопроса: «недостаточно сказать гражданам: «Будьте добрыми!» - надо научить их быть таковыми; и даже пример, который в этом отношении должен служить первым уроком, не есть единственное необходимое здесь средство. Любовь к отечеству всего действеннее, ибо, как я уже говорил, всякий человек добродетелен, когда его частная воля во всем соответствует общей воле; и мы с охотою желаем того же, чего желают любимые нами люди»¹². Но, переходя из индивидуального и – даже социального пространства – в общественный формат рассуждений и отношений, находим ли мы гарантированно желанный инструмент решения вопроса, либо «вуалируем» проблему иным тезаурусом, не решая ее по сути.

Для Руссо «лишение человека свободы воли – лишение его действия какой-либо нравственности»¹³. Имен-

но так *Лесной Дикарь*, превращаясь в *Гражданина*, утрачивает не свободу, а себя самого, поскольку его природа – вне-нравственна, вне-социальна и вне-гражданственна. Он – сама Природа. Необузданная и нежная, покоряющая и повинующаяся, независимая и страдающая. Для современного человека (скорее всего, и современного времени Руссо, и современного времени нашему) – странно думать, что не нужно превращаться из одного в другое, можно быть и одним, и другим, сочетая в себе эти ипостаси. Но возможно ли при этом, чтобы *Гражданин* не изгнал «из» человека *Лесного Дикаря*, уповая на его природную простоту и наивность?

Григорий Сковорода: поэмы о сродности и «ищущем» Нарциссе»

В отличие от Руссо, Григорий Сковорода много и с подлинным увлечением писал о Человеке – в подлинной традиции Возрождения, но – с опытностью Барокко. О природе человека, ее постижении, открытии себя, делании и развитии. Каким же предстает Человека у Сковороды?

В трактате «Наркисс: Разглагол о том, как узнать себя» философ пишет: «Наркиссом (чит. также – Нарциссом) называется и некий цветок, и юноша – в отражении прозрачных вод при источнике взирающий сам на себя и влюбившийся смертно в самого себя»¹⁴. Как можно влюбиться в неведомое, не познав его, не открыв для себя? Началом и первым этапом люб-

11 Там же – С. 79. / Ibid – С. 79.

12 Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. Статья в Энциклопедии Дидро // Руссо Ж.-Ж. Избранное. – М., 1976. – С. 75. / Russo Zh.-Zh. O politicheskoy ekonomii. Statya v Entsiklopedii Didro // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – С. 75.

13 Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Политический трактат // Руссо Ж.-Ж. Избран-

ное. – М., 1976. – С. 81. / / Russo Zh.-Zh. Ob obschestvenno dogovore. Politicheskii traktat // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – С. 81.

14 Сковорода Г. Наркисс. Разглагол о том, как узнать себя // Г. Сковорода. Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 120. / Russo Zh.-Zh. O politicheskoy ekonomii. Statya v Entsiklopedii Didro // Russo Zh.-Zh. Izbrannoe. – М., 1976. – С. 75.

ви к чему-то есть познание этого чего-то. Вопрос – и утверждение, сомнение и – ответ... Что здесь первично, и возможен ли путь... познания?

Кто он – Нарцисс? Что в нем такое есть, что столь много пишут о нем и знают многие – имя его? «Нарцисс самовлюбленный» – известный образ Античности, но «Просвещенный «Нарцисс – новый идеал Барокко (в частности – славянского Барокко) – не ищет счастья и не ищет премудрости. Он все нашел – в себе самом. Или – разочаровался искать премудрость и счастье где-то, поэтому стал искать ее в себе? Кто же он таков? Цветок доступный, растущий не одиноко, целыми цветущими долинами подчас покрывающий и луга, и пригорки... Что заставляет считать его надменным, холодным, отстраненным? Или – он так – «надменно-подобно» – таит какую-то боль, утрату, рану, а самоуглубленное молчание его – лишь неверный знак отъединения?

Попытаемся разыскать ответ Сквороды в многочисленных песнях и трактатах его. Сказав во всеуслышание: Нарцисс – прекрасен!??

Направим в путь Пилигрима, путешественника, странника... Коим и был Григорий Скворода и по сути, и по способу жизни... Избившему в кровь босые ноги, уставшему и растерявшему все силы, измученному жаждой и уже забывшему вкус хоть какой-нибудь еды – подлинным чудом покажется цветок, растущий у обочины или в заброшенной долине и – совершенно прекрасный в своем изысканном одиночестве и непонимании того, как все вокруг – далеко от совершенства... Он (то ли цветок, то ли Путник) закрывает глаза и забывает о том, как несовершенен внешний мир, в его мире – все прекрасно, гармонично, целеустремленно... Его мир – со-

вершенен!... И – Путник... становится Нарциссом...

Человек не может найти счастье тогда, когда не желает его, и желать не может. Он не может найти счастье, «поскольку не знает, в чем оно состоит. Начало дела – знание, откуда исходит желание, от желания – поиск, после получаем результат, вот и удовлетворенность: т.е. то, что получаем и что для человека – благо. В этом и есть – премудрость»¹⁵. Простой и – сложный алгоритм. Был бы прост, каждый мог бы им воспользоваться, и результата скоро достичь мог бы. Но – все не так просто.

«Смысл премудрости в том, чтобы постичь, в чем состоит счастье, – вот правое крыло, а добродетель стремится к поиску. Посему она у греков и у римлян мужеством и силой зовется – вот и левое крыло. Без сих крыл нет мочи выбраться и полететь ко благу. Премудрость – его острое, дальнзоркое око, а добродетель – мужественные руки и легкие оленьи ноги» . Легкий, неуловимый, вездесущий и преодолевающий свет – двукрылый «ангел-проводник» (наш внутренний смысл), который подсказывает и указывает – как нужно преодолевать путь поиска счастья.

В притче «О Безногом и Слепом» (у Сквороды¹⁶) говорится так:

«Путник, обходя всякие земли и державы, потерял ноги. И решил он вернуться домой, в отчий дом. С большими трудностями, опираясь на руки, побрел путник по дороге. Наконец дополз он до горы, с которой все было видно, и среди всего – крышу отчего дома, но тут – поте-

¹⁵ Там же. / Ibid.

¹⁶ Скворода Г. Розмова п'яти подорожних про істинне щастя в житті. Дружня розмова пр душевний світ // Там же. – С. 159-160. / Skovoroda G. Rozmova p'yati podorozhnikh pro Istinne schastya v zhytti. Druzhnya rozmova pr dushevnyi svlt // Там же. – С. 159-160.

рял он и руки. Смотрели живые глаза его через реки, леса, яры, через пирамидальные верхушки гор, с веселой жадностью охватывая взором сияющий издали замок – отчий дом его и все их миролюбного рода – где конец и венец все их пилигримовых трудов и трудностей. Но беда была в том, что наш обсерватор не имел уже ни рук, ни ног, а только мучился, как евангельский богач, глядя на Лазаря.

Между тем, оглянувшись, увидел он вдруг удивительное и грустное зрелище: бредет слепец, прислушивается, ощупывает тростью все по сторонам и, словно пьяный, с дороги сбивается, подходит ближе, вздыхает и шепчет: «Исчезают а суете дни наши...», «Пути твои, господи, поведай мне...», «Горе мне, мытарства мои будут длиться вечно...». Да и другие такие слова сам себе говорил, вздыхая, часто спотыкаясь и падая.

- Боюсь, о Путник, испугать тебя, но кто ты такой? – спрашивает зрячий.

- Уже тридцать четыре года путешествую, а ты – первый на пути моем встретился, – отвечает слепой. – Странствия по разным мирам закончились вот так: страшная жара и солнечные лучи в Аравии лишили меня зрения, и я, слепым, возвращаюсь в отчий дом.

- А кто отец твой?

- Живет он в нагорном замке, который зовется Миргород. Имя ему – Ураний, а мое – Практик.

- О Бог мой, что я слышу? Да я ж твой родной брат – выкрикнул прозорливый, – я Обсерватор!

Неожиданная радость всегда заканчивается слезами. После этого слепей с влажными глазами сказал своему брату:

- Дорогой мой брат! Слышал я уже о тебе из разговоров, а теперь имею счастье встретить тебя. Смилоствись, заверши мои беды, будь мне учителем. Правду говоря, меня труд увеселяет, но приходится все время спотыкаться, и эль уничтожает мое вдохновение.

- Искренне сожалею, что бессилен служить тебе, любезная душа моя. Я путник, который обошел пешком весь земной шар. Ноги меня везде носили легко, но каменные горы, которые часто встречались мне, лишили меня ног, и я, опираясь на руки, продолжал свой путь, но сейчас потерял и руки. Большие ни ходить, ни ползать по земле – я не способен. Много кто хотел меня использовать, но, лишенный возможности даже ползать, я был для них бесполезен...

- За сим дело не станет, – сказал слепой, – ты для меня тяжесть легкая и желанная: возьму тебя, клад мой, на себя. Чистый глаз твой пусть будет тела моего вечным владельцем и всех моих путей – головой. Прекрати муки беспросветной темноты, что жестоко гонит меня по пустым дорогам; я твой конь, садись на рамена мои и руководи мной, дорогой мой пан и брат!

- Сяду, брат мой, с удовольствием, чтобы доказать истину: «Брат, который от брата имеет помощь, – как город, твердый и высокий, укрепляется, как новоположенное царство».

Ныне ж посмотрите на дивное творение: из двух людей составлен один человек, одно лицо путника составлен из двух сродных без всякой путницы, но и без разделения, взаимно существующие. Идет небывалый путник по главной дороге, ни влево, ни вправо не отклоняется, исправно переходит реки, леса, рвы и яруги, переходит высокие горы, вступает с веселым сердцем в мирный город, омываемый светлым и душистым воздухом; выходит спокойная толпа жителей, которые дышат миром и любовью, хлопают в ладоши, а уж ждет на пороге и уже принимает сыновей в нежные объятия – ветхий днями Ураний»¹⁷.

17 Сковорода Г. Розмова п'яти подорожних про істинне щастя в житті. Дружня розмова про душевний світ // Там же. – С. 160-161. / Skovoroda G. Rozmova p'yati podorozhnikh pro Istinne schastya v zhytti. Druzhnya rozmova pr

Вне сомнения, - как утверждает Сковорода, - главное желание Человека - быть счастливым, «нет и птицы без этих мыслей». Но если спросить каждого - где и в чем счастья ищешь? - далеко не каждый сумеет дать ответ. И без знания этого - «ты слепец, ты ищешь отчий дом, но не знаешь, где он». Без знания, где искать «свое» счастье, Человек слеп, а стремясь к счастью, не зная «что и где оно» - придет гарантировано к несчастью. Но вне сомнения - «способностью достичь счастья премилосердная Природа наделила всех и каждого», как бесспорна истина, что «все рождается для доброго результата и конца - в этом и есть счастье»¹⁸.

Часто Человек кладет много трудов на мелкие и бессмысленные дела, а часто - на вредные для него самого. Но без этого нельзя: нельзя пройти путь - не идя. Нельзя отказаться «питать тело», ибо без него душевный поиск в принципе невозможен. Но то, как все это Человек делает, и приводит его к бедам, холоду, голоду, жажде и болезням, или - к успеху, радости, благополучию, благоденствию и приумножающейся силе. И что важнее питать - Душу или Тело? Может быть, стоит думать о чем-то одном, не тратить силы на другое?

У Сковороды есть ответ на им же заданный вопрос:

- *вопрос*: «Не легче ли питаться одной травой суровой, и при этом иметь лад и утешение на сердце, нежели сидеть над столом роскошным, как у надгробия со скверной, разрушающей душу? Не лучше ли покрыть тело самой убогой одежиной и при этом иметь сердце, в ризу золоченую одетое, нежели носить золотые одежды и терпеть геенный огонь в душе, бе-

совской печалью испепеляющий сердце? Какая утеха от богатства или от хорошей обстановки, если сердце погружено в найтемнейший мрак неудовлетворенности... Почему же так тяжело?»¹⁹;

- *ответ*: «Если кто попал в ров или пропасть водяную, не должен думать о тяжести, а - об освобождении. Когда ставишь дом, строй его для обеих частей своего существа - души и тела. Когда одеваешь и украшаешь тело, не забывай и про сердце. Два хлеба, два дома, два платья: два рода всего есть, всего есть по два...»²⁰.

Как понять это? И чем руководствоваться? Как строить свой путь? Откроем еще одно - особое и очень важное учение Г. Сковороды - о сродности и сродной деятельности, описанное в трактате «Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира». Для человеческого бытия отношение сродственности приобретает особый смысл, ибо становится предметом познавательного и действенного овладения со стороны человека. Сам способ человеческого существования пронизан отношением сродства, поскольку направленное познавательное и преобразующее влияние (как основные формы своего бытия) человек может осуществлять только к сродному.

Познание, как постижение сущности сущего, возможно только в отношении сущностного сродства познаваемого явления человеческому бытию. Соответственно многоуровневости бытия отношение сродства также может реализоваться на различных содержательных уровнях: «сущее - бытие - форма бытия»; «бытие - существование - сущность»; «явление - существование - сущность»; и т. д. Но при различии этих онтологических

dushevniy svIt // Tam zhe. - S. 160-161.

18 Там же. - С. 161. / Ibid.

19 Там же. - С. 161. / Ibid.

20 Там же. - С. 161. / Ibid.

ких форм *сродственности* неизменным остается одно: открытость сродных сущих взаимному проникновению сущностей. Человек, реализуя познавательное отношение к некоему сущему, определяет его как «сродное мне, моей сущности». Научаясь преобразовывать это сущее, человек приобретает «сродность» более высокого уровня, увеличивая ее масштаб, пространство и время существования. Таким образом, человеку открывается сродность явлений, не доступных ему ранее; с увеличением «доступного пространства сродных сущих» расширяется содержательное пространство разворачивания индивидуально-неповторимой сущности самого человека²¹.

Человеческому способу существования свойственно самостоятельное, осознанное овладение *отношением сродственности*. Постигая сродственность другим сущим и себе, своему «я» как сущему, человек определяет, оформляет, создает «мир» своего индивидуального бытия как *самобытия*. Кроме того, познавательные и преобразующие акты своего бытия конкретный человеческий индивид реализует в способах, приемах и средствах, которые сродственны его неповторимой, индивидуальной сущности. Таким образом, сродственность, как онтологическое отношение бытия (сущего), должна истолковываться также как онтическое условие разворачивания конкретного человеческого бытия – исходное, глубинное, первоизданное, подлинно человеческое.

По мнению Г. Сковороды, *способность следовать отношению сродственности* в повседневной жизни определяет и утверждает достоинство человека, подлинную его

человечность. «Все то сродное, что природное, и симпатия значит природную сродность, касающуюся к дружбе, к пище, а паче всего к избранию звания»²². Человеческое «звание» определяется тем «деланием», к содержанию которого сродна «природа» конкретного человека. Сам человек должен «услышать» в себе сродность к тому или иному делу и неотступно следовать «голосу» этой сродности.

«Лучше умереть, нежели всю жизнь тосковать в несродностях. Несродность всякой праздности есть тяжелее. И легче не ползать, нежели летать для черепахи. Не ползая, лишается только сродной забавы, а летая стонет сверх того под несродным бременем... Не говори и не делай ничего вопреки Минерве. В чем природа отказала тебе, того избегай. Если ты не рожден для муз, избегай служить музам... Многих мужей губит ученая свирель. Не многих справедливая природа-мать создала для муз. Желаете быть счастливым? Будь доволен своей судьбой»²³.

В сродности своей мил и привлекателен человек, действия его совершенны и целостны; сам труд в делании сродном становится источником новых сил, новой созидющей энергии. В несродном делании «...будет жизнь твоя висеть перед очами твоими, и убоишься днем и ночью и не будешь верить жизни твоей. Утром скажешь: «Когда будет вечер?.. «И вечером скажешь: «Когда будет утро?..» От страха сердца твоего им же убоишься, и от видений очей твоих ими

22 Сковорода Г. «Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира» // Г. Сковорода. Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 442. / Skovoroda G. «Razgovor, nazyvaemyiy Alfavit ili Bukvar mira» // G. Skovoroda. Vlrshl. Plsnl. Bayki. Dlalogi. Traktati. Pritchl. Prozovl perekldi. Listi. – K.: Naukova dumka, 1983. – S. 442.

23 там же. – С. 439 - 440. / Ibid.

21 Маноха И. Человек и потенциал его бытия. – К.: Стимул К, 1995. / Manoha I. Chelovek i potentsial ego byitiya. – K.: Stimul K, 1995.

же узреешь»²⁴. Несложно узнать в этой метафорической фразе стелания многих современных нам людей – и молодых, и по-старше. Со времен Сквороды – ничего не изменилось? Природа человека – та же.

Способность человека в каждый момент своей жизни чувствовать и реализовывать отношение сродности в делании, в общении, в познании, в любой из сфер самобытия определяет не только достоинство самого человека, но и «внутреннюю гармонию» общества, «отечества»: «Общество есть то же, что машина. В ней замешательство бывает тогда, когда ее части отсутствуют от того, к чему оные своим хитрецом сделаны»²⁵. Каждый человек должен узнать себя, «куда кто рожден». Индивидуальное достоинство каждого определяется присущей именно ему сродностью: «Для того ты к сему рожден, что другие к другому»²⁶. Здесь снова возникает идея и тема «неравенства»: но у Сквороды главная причина неравенств: призвание и предназначение каждого, онтологическая т сущность и природа «Я»...

И что же (кто же?) наш Нарцисс? «Нарцисс» – потенциальная возможность каждого, кто ищет счастье и себя самого. Это одна из «остановок» и один из «результатов» этого пути и поиска. Не все становятся им, кто-то идет дальше, а кто-то «прерывает свое движение» задолго до пункта под условным (около-психологическим) названием «нарциссическая пред-

готовность». Важно понимать, что он – не «чуждый» и «другой», он – «один из всех», где каждому дана возможность либо «стать «Нарциссом» либо «стать кем-то другим» на пути следования под названием «жизнь».

Но «Просвещенный Нарцисс» – об этом знает. Его выбор «оставаться таким» может быть вполне осознанным. Он способен к рефлексии – и индивидуальной, и исторической (он знает, кто такой *Лесной Дикарь*, в отличие от последнего, который даже не мог предположить, что станет со временем «квалификационной моделью способа жизни и действия» для представителей некоего «будущего»))), поэтому может выбирать. И каким будет этот выбор – ведомо лишь ему самому.

О природе Человечности: преодоление контраверсивности

Разность, противоречивость и контраверсивность славянского и европейского Барокко – не условна, она имеет место, но носит особый характер – индивидуальностный, субъектный, «персональный». Они разнятся – как два разных человека, имеющих два разных видения относительно одного и того же явления, два разных мнения и истолкования – как два разных субъекта будут иметь два разных взгляда по одному и тому же поводу. Но всегда ли они противоположны по сути? Или разнятся они прежде всего – по способу постулирования «своей» позиции? Как это есть в различных традициях Барокко?

Жан Жак Руссо – также писал о «Нарциссе» – в одноименной комедии («Narcisse», 1733), которая, с немалым трудом будучи поставленной, не имела успеха. Автор сначала хотел поставить ее в итальянском театре, но спустя время поставил во «Французской комедии». А прочитав ее, понимаешь, почему, не смотря на попытку прида-

24 Там же. – С. 440. / Ibid.

25 Скворода Г. «Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира» // Г. Скворода. Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 440. / Skovoroda G. «Razgovor, nazyivaemyiy Alfavit ili Bukvar mira» // G. Skovoroda. Vlrshl. Plsnl. Bayki. Dlalogi. Traktati. Pritchl. Prozovl perekladi. Listi. – K.: Naukova dumka, 1983. – S. 440.

26 Там же. – С. 443. / Ibid.

ния автором «итальянскости» сюжета, она не состоялась в итальянском театре. И, возможно, почему – не принесла успеха во французском комедийном театре: история о Нарциссе – не смешна: онотологически, по сути. Она – трагична.

В основе этой истории – античный миф о Нарциссе. А, как известно, миф – сложноорганизованный символический текст, где в каждом элементе сюжета – мудрость, правило, канон, которые следует черпать, постигать и разворачивать для своего – и чужого – понимания. В древнегреческой мифологии Нарцисс – красивый, гордый и холодный юноша, отвергающий любовь всех и восхищающийся собственной внешностью: однажды Нарцисса полюбила прекрасная Нимфа (возможно, под ее ликом скрывалась даже богиня самой Любви – Афродита), но также не получила ничего – кроме собственного разби- того сердца. Нимфа, небесное создание, в отчаянии воскликнула: «Полюби же и ты, Нарцисс! И пусть предмет твоей любви отвергнет тебя, как ты отверга- ешь нас!». Однажды на охоте в жаркий полдень Нарцисс захотел напиться из лесного ручья и влюбился в прекрасный об- лик юноши, взирающий из водяной глади. «В изумлении смотрит он на своё отра- жение в воде, и сильная любовь овладевает им... Наклоняется Нарцисс, чтобы поце- ловать своё отражение, но целует толь- ко студёную, прозрачную воду ручья. Всё забыл Нарцисс; он не уходит от ручья; не отрываясь, любитесь самым собой. Он не ест, не пьёт, не спит». Наконец полный отчаяния Нарцисс простирает руки к отражению и молвит: «О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только полоска воды, и всё же мы не можем быть вместе. Выйди же из ру- чья!» Вдруг страшная мысль пронзает сердце: «О горе! Не полюбил ли я самого себя? Ведь ты – я сам! Я люблю самого

себя. Я чувствую, что немного осталось мне жить. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня; смерть принесёт ко- нец мукам любви». Нарцисс склонился на зелёную прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи. Нимфы приго- товили могилу, но, придя за телом, не нашли его. На том месте, где поникла го- лова юноши, вырос белый душистый цве- ток – нарцисс. С тех пор это имя стало нарицательным»²⁷. Комедией ли этот сюжет, более схож он с Комедией или с Трагедией? Вопрос – риторический и для философа, и для психолога, и тем более – для истолкователя мифов. И это – на самый первый, достаточно поверхностный взгляд.

Попытки «пересмотра» идей про- шлого – не новы и неизбежны. Барок- ко «пересматривает» Античность и стремится придать комедийности сю- жетам и обстоятельствам, носившим трагедийный облик. Но и этот «ис- торический пересмотр» может быть осуществлен по-разному, с разных истолковательных позиций. И – с разным истолковательным исходом. Так, например, выглядит истолкова- ние древнего античного мифа Григо- рием Сковородой для современного ему читателя и воспитанника:

«Древний мудрец Эдип, умирая, оставляет малолетнему сыну в насле- дие историю под названием «Сфинкс»: «Любезный сын, вот тебе самое лучшее по мне наследие! Прими малую сию книж- ку от десницы моей; люби ее, если хочешь любить своего отца; меня почтешь, по- читая оную. Носи ее с собою и имей в сердце своем, ложась и вставая. Она тебе плод принесет тот, что и мне, разумеи – блаженный конец жизни твоей. Не будь нагл и бессовестен, ступай тихонько

27 Зорин К. Влюблён в себя до одури: Трагедия Нарцисса» // <http://p-beseda.ru> / Zorin K. VlyublYon v sebya do oduri: Tragediya Nart- sissa» // <http://p-beseda.ru>

жизнь есть путь опасный; приучай себя малым быть довольным, не подражай расточающим сердце свое по наружностям. Учись собирать расточение мыслей твоих и обращать их внутрь себя. Счастье твое внутри тебя есть, тут центр его зарыт: узнав себя, все познаешь, не узнав себя, во тьме ходишь будешь и убоишься страха, где его не бывало. Узнать себя полно, познать и задружить с собою – сей есть неотъемлемый мир, истинное счастье и мудрость совершенная. Ах, если б мог я напечатлеть теперь на сердце твоём познание самого себя!., Но сей свет озаряет в поздний век, если кто счастлив... Будь добр ко всем. Не обидишь и врага своего, если хоть мало узнать себя постарайся... Конечно, узнаешь себя, если любить будешь вникать крепко внутрь себя, глубоко, глубоко... Сим одним спасешься от челюстей лютого мучителя». Он много говорил, но мальчик ничего не мог понять, ... держа руку навеки уснувшего отца...

И добрый сын, малую сию книжечку часто читая, почти наизусть ее знал. В ней написано было, что лютейший и страшнейший урод, под именем Сфинкс, во все времена мучил и умерщвлял людей. Лицо его было девичье, а прочее все – львиное. Вся вина убийства состояла в том, что не могли люди решить предлагаемой чудовищем сим задачи, или загадки, закрывающей понятие о человеке. Кто бы ни попался, вдруг задача сия: поутру четвероногий, во полдень двуногий, а ввечеру – треногий, скажи мне, какой зверь? Наконец, написано, что Эдип загадку решил, урод исчез, и наступили радость и мир. Всю сию опись держал он в сердце своем.

Повзрослев мудрецов сын, пришел в возраст, усилились страсти, а светское дружество помогло ему развратиться. «Сфинкс – какое дурачество, – говорили ему, – пустая небыль! Суеверие». Да и сам он уже имел недетский разум; он понимал, что сих зверей ни в Америке, ни в самой Африке, а в Европе их не бывало...

Беспутная жизнь совсем лишила его сердечной веселости... И только в 30 лет он «начал входить в себя и узнавать. Какое бедствие! – говорил он сам с собою. – Я совсем переменился. Где девалась радость моя? Я мальчиком был весел, все у меня есть с излишком, одного не достаёт – веселия. Есть и веселие, и таковым меня считают, но внешнее, а внутри сам чувствую развалины основания его, боюсь и сомневаюсь. Одно то твердо знаю, что я беден»²⁸. В продолжение – Григорий Сковорода даёт наставлення о том, как быть с этим «знанием», что делать и предпринимать, и – в чем же была премудрость завета Эдипова.

Славянське Барокко пером Г. Сковороди – тежє истолковувает и Античність, и другіє історическіє епохи с их собсьвенным пониманием Человека и его природы, но не критикуя их проявлєния – со слабостями и страстями, бессилием и многократными падєниями на пути самоосуществлєния, развєртывания себя и собсьвенной природы. Не иронизируя над ней и не комедианствуя, а сострадая и – учась, постигая то, что со времен обрєтєния философствования, как способа постижения мира и себя самого, человек называет Человечностью.

Итак, забыв о каких бы то ни было контравєрсиях, благодарно взяв с собою опыт разысканий Ж.-Ж. Руссо и обрєтєний Г. Сковороди, будем готовы отправиться в новый путь ее – Человечности – постижения.

28 Сковорода Г. «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» // Г. Сковорода. Вірші. Пісні. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 196-197. / Skovoroda G. «Koltso. Druzheskiy razgovor o dushevnom mire» // G. Skovoroda. Virshi. Pismani. Bayki. Dialogi. Traktati. Pritchi. Prozoiv perekladi. Listi. – K.: Naukova dumka, 1983. – S. 196-197.